

Причастия в живой спонтанной речи как маркеры высокого уровня речевой компетенции говорящего

Рожкова Анна Юрьевна

Студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

Основой для накопления языкового материала и лингвистического исследования текстов различного характера является в настоящее время Национальный корпус русского языка, созданный специалистами по корпусной лингвистике для научных исследований и обучения языку. Он характеризуется представительностью и сбалансированным составом текстов. Это означает, что корпус содержит по возможности все типы письменных и устных текстов, представленные в данном языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т. п.), и что все эти тексты входят в корпус по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода.

В настоящее время на факультете филологии и искусств СПбГУ формируется еще и специальный Звуковой корпус русского языка (ЗКРЯ). В рамках этого большого проекта фиксируется речь различных социальных групп носителей языка. В течение более чем 20 лет материалы русской спонтанной речи (СР) используются в учебном процессе. Идет создание речевой грамматики (РГ), которая позволит выявить и исследовать все специфические для устной речи (УР) явления.

Двадцать лет назад в числе прочих была выдвинута гипотеза о способности причастий в живой спонтанной речи диагностировать высокий уровень речевой компетенции (УРК) говорящего [Богданова: 98].

Материалом для исследования послужили свободные монологи-рассказы 43 информантов, юристов-практиков и юристов-преподавателей, отвечающих на вопрос о способе проведения свободного времени, записанные В.В. Кукановой на протяжении одного года: с мая 2006 по июль 2007 г. [Куканова: 12–16]. Информанты отбирались по социальным критериям: место рождения и постоянного проживания (г. Санкт-Петербург), возраст (до 35 и после 35 лет), пол (мужчины и женщины), профессия (юристы), учитывалось также отношение говорящего к речи (профессиональное или непрофессиональное), тип темперамента (сангвиник, меланхолик, флегматик, холерик), психологический подтип (экстраверт, интроверт) и уровень невротизма.

Причастий в материале исследования оказалось довольно много – 64 словоупотребления, в основном действительные причастия настоящего времени и страдательные причастия прошедшего времени. Рассматриваемые глагольные формы чисто формально были классифицированы следующим образом:

- Одиночные причастия со свободной сочетаемостью;
- Одиночные причастия со связанной сочетаемостью;
- Причастия с зависимыми словами (причастные обороты), представляющие собой свободные словосочетания;
- Причастия с зависимыми словами (причастные обороты), представляющие собой связанные словосочетания.

Употребление причастий полностью коррелирует с высоким уровнем речевой компетенции говорящего (данная группа информантов произнесла 70 % всех причастий). Все причастные обороты с действительными и страдательными причастиями настоящего времени, представляющие собой связанные словосочетания и одиночные действительные причастия прошедшего времени со связанной сочетаемостью были употреблены информантами с высоким УРК исключительно флегматиками-интровертами (дифференциации по полу и возрасту обнаружено не было). Что касается одиночных действительных причастий настоящего времени со свободной сочетаемостью и причастных оборотов, представляющих собой свободные словосочетания, то их употребили в своей речи 71 % информантов с высоким УРК, в

основном флегматики-интроверты и флегматики со средними значениями экстраверсии/интроверсии в основном мужчинами старшей возрастной группы (после 35 лет) и 29 % информантов с низким УРК, исключительно экстраверты и в основном сангвиники младшей возрастной группы, регулярно выступающие перед аудиторией, читающие газеты и смотрящие телевизор (существенного различия по полу и возрасту в обоих случаях отмечено не было).

Интересно, что страдательные причастия настоящего времени с зависимым словом, то есть в составе причастных оборотов, были употреблены исключительно информантами-флегматиками и исключительно интровертами. Информанты-мужчины с высоким УРК употребили 2/3 причастных оборотов со страдательными причастиями настоящего времени, остальные 20 % употреблены информантами с низким УРК младшей возрастной группы.

Группа действительных причастий прошедшего времени сравнительно малочисленна. Информанты с высоким уровнем речевой компетенции (это были исключительно мужчины, исключительно флегматики-интроверты и со средними значениями экстраверсии/интроверсии, принадлежащие в основном к старшей возрастной группе говорящих) употребили больше половины данной группы причастий. Остальные действительные причастия прошедшего времени со свободной сочетаемостью были использованы участниками эксперимента с низким уровнем речевой компетенции исключительно сангвиниками, экстравертами, принадлежащими к младшей возрастной группе.

Страдательные причастия прошедшего времени представлены достаточно большой группой (всего 27 словоупотреблений), однако употребление информантами данных причастий прошедшего времени носит несвязанный характер. В группе участников эксперимента с высоким уровнем речевой компетенции были отмечены следующие тенденции: 87,5 % одиночных причастия были употреблены мужчинами исключительно флегматиками-интровертами и со средними значениями интроверсии / экстраверсии в основном старшей возрастной группы.

В целом можно сделать вывод, что 4/5 всех употреблений причастий принадлежат информантам с высоким УРК, мужчинам флегматикам-интровертам и флегматикам со средними значениями экстраверсии/интроверсии. Сангвиники-экстраверты с низким УРК употребили 1/5 всех выявленных причастий.

Литература

Богданова Н.В. О синтаксических коррелятах дифференциации уровней речевой культуры // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1993. С. 92–100.

Куканова В.В. Русская спонтанная речь: Свободные монологи-рассказы на заданную тему: Тексты. Лексические материалы. СПб., 2008.